Дмитрий ЕРМАКОВ

Родные строки

О книге стихов Александра Логинова «Возвратите мне Родины свет золотой»

…Я смотрю кадры уже исторической кинохроники – празднование очередного юбилея Фёдора Абрамова в его родной Верколе. Кажется, это 1995-й год. Вот Василий Белов говорит о своём друге и литературном собрате… А вот и Александр Логинов яростно читает своё стихотворение – об уходящей Родине… А Родина тогда, действительно, уходила из-под ног. Она, Родина, конечно, осталась, но в чём-то и бесконечно изменилась за прошедшие годы… И вот я держу в руках новую книгу стихов Александра Логинова – «Возвратите мне Родины свет золотой».

Открывается книга авторским предисловием – «Предвестие любви», которое, конечно, читать надо полностью (это всего лишь две странички), что и сделает читатель этой книги, а я здесь всё-таки приведу несколько строчек.

«Земля умеет любить и тварь бессловесную, и человека. Так было задумано Творцом <….> Сегодняшняя Россия, помнишь ли ты об этом? Откликаешься ли в ответной любви к своей земле, наречённой предками матушкой? Какая сила направляет тебя, заставляя поворачивать реки, затоплять города и веси, расщеплять атом?..». Вот какие вопросы

предваряет своим предисловием автор книги. Но не случайно здесь же приводит он и слова Гоголя: «Вы ещё не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всём дурном, что в ней ни делается, в вас всё это производит только одну чёрствую досаду да уныние. Нет, это ещё не любовь…». И книга Александра Логинова это не только и не столько печаль и раздражение – это поэзия.

Поэтическое слово – это и есть предвестие любви.

Александр Логинов даёт замечательно определение поэзии: «Поэзия – это когда тьму, нависшую над нами, прорезает молния. И весь первобытный хаос раскалывается, и грохочущие глыбы его приходят в движение. Это ливень, а затем радуга, соединяющая людские сердца через небесное сияние…».

И как напутствие читателю (или даже самому себе – автору) слова, завершающие вступление и открывающие сборник:

«Сотвори сегодняшний день. Наполни его трудом, смыслом и любовью. И завтрашний день станет достойным продолжением твоей жизни. И ты вновь произнесёшь: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

И я – читатель – вступаю в книгу Александра Логинова, укрепившись его напутствием.

В книгу, в основном, включены стихотворения, написанные за последнее десятилетие. Разбита книга на три части. Первая – «Мы люди-корабли». Открывает её (да и всю книгу) стихотворение «Опричники и скоморохи» (2019), уже своим названием дающее характеристику России, в которой «жить не так уж плохо – не каждого сбивают в лёт», в которой «власти пятерня» всё же бессильна над певчими душами, где «песен свитки золотые рождает русская звезда».

А следующие стихотворения отправляют к истоку песен самого Александра Логинова – к детству, вырастающему в жизнь:

Этот маленький Беринг,
Открыватель миров,
Скоро выйдет на берег
Разрывных моих снов…
(«Он загадан чуть раньше»)

Помню, в детстве, как только ступлю за порог,
Золото солнышка течёт по вискам.
Засмотрюсь на небо: а где ж там Бог?
Поклонюсь в пояс ромашкам и васильком…
<…>
На вечернем крылечке, по осколкам собрав зарю,
Как младенца её на груди, возле сердца, прячу.
И всю ночь напролёт в суровую даль смотрю,
Перед словом заветным склоняя чело, плачу.
(«Помню в детстве…»)

Кстати, я намеренно указываю год создания стихотворения, там, где он указан автором (и не указываю – где не указан). Ведь это тоже – авторский замысел – отсыл ко времени создания стихотворения, придающий и ещё дополнительные смыслы сказанному.

И далее стихи-биографии и «лирического героя», и автора, и страны, возвращающие:

… в пору сладких речей,
Когда меченный тайным клеймом
Искуситель манил
Всех нас в рай европейского сада…

А затем:

Из всех пушек ударил
По Родине капитализм.

И снегири – символ юности и свободы – «остались лежать на кровавом снегу». Но:

…вот-вот
Промахнут они алым крылом.
И, конечно, на Русь
Полетят заревыми полками,
И реку моей юности
Грозный взорвёт ледоход.
Я взойду на обрыв
И вдохну их морозное пламя,
Снегирей отправляя
В могучий свободный полёт.
(«Снегири»)

Читая стихи Александра Логинова, невольно делаешь остановки… Чтобы переждать спазм в горле, успокоить сердце… Это читая. А как же он это писал?..

Издали доносится за раскатом раскат.
На мне серая шинелка, и грудь навыкат!
Это я, простой советский солдат,
Слушаю, как гремят поезда на стыках.

Рельсы улетают – все! – в коммунизм,
Он был где-то рядышком, не за горами…
А душа… душа-то – всё ввысь и ввысь!
И туда, туда – к бате и маме.

Они выстроили мне страну почти до небес
С горем пополам. И кровью тоже.
Выстрадали грамоту. Прошли ликбез.
Защитили Родину. Помяни их, Боже…
(«Северный соловушка»)

И вот – страшным символом, чёрной явью является на Русь «антрацитный паук»:

…напрасно
Осенял я крестом эти долы и лес.
Бог воздал за бездарное время цветенья.
И теперь ни цветов, ни плодов, а с небес
Опускает паук паутину забвенья…
<…>
Запеклись мои губы. Глаза выжег зной.
И тростинка души в небеса прохрипела:
«Возвратите мне Родины свет золотой,
Отпустите на волю и Слово, и Дело!».
Но пока не остыл луч Христовой звезды
И живёт ещё память в моих хромосомах,
Соловьи, жаворонки, синицы, клесты –
Всё поющее, звонкое – снова и снова
Из корпускул безвременья, пепла тщеты
Восстаёт, разрывая паучьи тенета…
(«Антрацитный паук»)

«Разрывая паучьи тенета» живёт и пишет Александр Логинов. Хотя «тенета» эти крепки – они в стихах: «Наполовину пуст мой стакан», «Слова мертвы», «Разговор с другом», «Ночь накануне ядерной зимы»…

Остановлюсь на стихотворении «Дорога» (2019):

Какая странная дорога
Ведёт через пустырь в леса…
Полуразваленные дроги,
На дрогах ржавая коса,
А чуть левее на пригорке
Останки крыльев ветряных…

Дорога «странная», но и характерная для нашего времени. А мне вспомнилась другая поэтическая дорога:

Всё облака над ней, всё облака…
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука…

То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин – властелин…

Да, это «Старая дорога» Николая Рубцова. Явный (по-моему) отсыл к нему я уловил ещё в одном из предыдущих стихотворений:

Белая лошадь
Заржёт во тьме –
Чёрная ей
Ответит.
(«Наполовину пуст мой стакан»)

У Рубцова: «Лошадь белая в поле тёмном…».

И вот – две дороги. Та, на которой:

Пониже, в русле пересохшем,
Расколотые жернова.
И там, где раньше были пожни, –
Седая мёртвая трава
И кукла с выдавленным глазом… – это Логинов.

То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин – властелин… – это Рубцов.

Вроде бы схожие картины. Но у Рубцова – поэтическая старина, а у Логинова – уже смерть.

А ведь это одна и та же дорога! Та самая, по которой Рубцов нёс в своём чемоданчике куклу для дочки… И вот кукла – с выдавленным глазом на этой же дороге…

Рубцов выдыхает: «Здесь русский дух в веках произошёл», а Логинов, глядя по сторонам этой же дороги вопрошает: «За что был русский мир наказан?».

И всё же есть надежда и в стихотворении Александра Логинова, ибо: «…встал, просвеченный до звона, один как перст поклонный крест»… и «дикорастущий ужас» застыл. И над русской, над старой рубцовской, над вечной нашей дорогой плывут, как прежде, облака…

И не случайно раздел о людях «с пробоиной в борту» («Мы люди-корабли», 2018), в котором есть такие страшные и страстные стихотворения как «Диктатор», «Русский исход», заканчивается всё-таки стихотворениями «Преображение» и «Музыка Рождества».

До тех пор, пока мы во Христе,
В нас струится кровь Его живая!

Воистину так!

Следующий раздел книги – «Ночное гадание». Открывается он стихотворением «А в детстве был я книгочей…». И многие, многие воскликнут: «И я тоже! И я «слова бессвязные шептал в обнимку с книжкой», бредил снегами Килиманджаро, мечтал поймать большую рыбу, а за окном была «во все края – Страна Советов…»».

И вот уже не хемингуэевская романтика, а небесный ледоход уносит баркас судьбы от отчих берегов («Небесный ледоход»). И вот уже становится судьбой Север: «Вот я, вот Север, вдаль и вширь – Отчизна» («Север»).

А вот и любовь, и позднее признание:

Я руку нежную твою
Сожму своей ладонью жёсткой.
Довольно слов, пустых и плоских
Молчи!
Я для тебя пою…
И здесь же просьба-мольба:
Имя моё в ночи
Выдохни, дорогая…
(«Позднее признание в любви»)

И конечно, судьба поэта – слово. Слово, превращённое в мишень для острословов, опошленное, униженное… Живое. Единственное спасение – слово… («Слово»).

Так и живёт поэт, спасаясь словом (и Словом):

Всё учусь букву с буковкой
Не спеша сопрягать,
В тишине и без сутолоки
Смысл стиха постигать…
(«Я живу в тихом городе»).

И ещё:

Музыка. Лёгкий рой пчёл.
В сотах мёд. Солнце осеннее…
Помню, я запоем прочёл
«Жизнь Арсеньева»…
(«Музыка. Лёгкий рой пчёл»)

Помню и я, как в двадцать с чем-то лет читал «Жизнь Арсеньева» и просил (кого?), чтобы это чтение, это счастье подольше не кончалось… Да, мы братья и по той литературе, которая стала нашим воздухом и словом…

Последний раздел книги – «Вид из осеннего окна»…

Неизбежная, но светлая грусть – осень природы, осень жизни…

Большое стихотворение «Осенний путь» вновь заставляет вспомнить Рубцова – все его осенние стихи, все его пути-дороги… Нет, не только рубцовские – русские, наши, логиновские пути-дороги:

Осенний путь – унылый, как морока.
Брезентового неба полотно.
И колея по вымершей дороге
Раскручивает дней веретено…

Всё знакомо. Всё в судьбе и в душе всякого, наверное, прожившего жизнь в России…

В небе звёздочка поздняя тлеет.
Вот очнулся я… Родина, где я?
Ночь глубокая… Родина спит.

Но, вот в стихотворении «Северный ноктюрн»:

…И Тот, кем этот мир основан,
Послал в ответ горящий луч,
И Богоявленное Слово
Прожгло свинцовый панцирь туч…

В этой части книги много посвящений: художнику Геннадию Кулишову, музыканту Борису Бершадскому, писателям: Владимиру Личутину, Александру Роскову, Инэль Яшиной, Ольге Корзовой… Все они, ушедшие и живые, рядом и слышат живое слово… И с этим словом поэта соглашаюсь и я – читатель:

Нет у нас, к счастью,
Других Отчизн.
Правда, Инэль Петровна?
(«Год к закату. Калёный. Страшный», 2011.)

Нет смысла пересказывать книгу. Тем более – книгу стихов. И многие (большинство) стихотворений этого сборника остались за пределами моего отзыва. Скажу лишь ещё, что стихи Александра Логинова стали для меня близкими и родными. И думаю, что не только для меня.

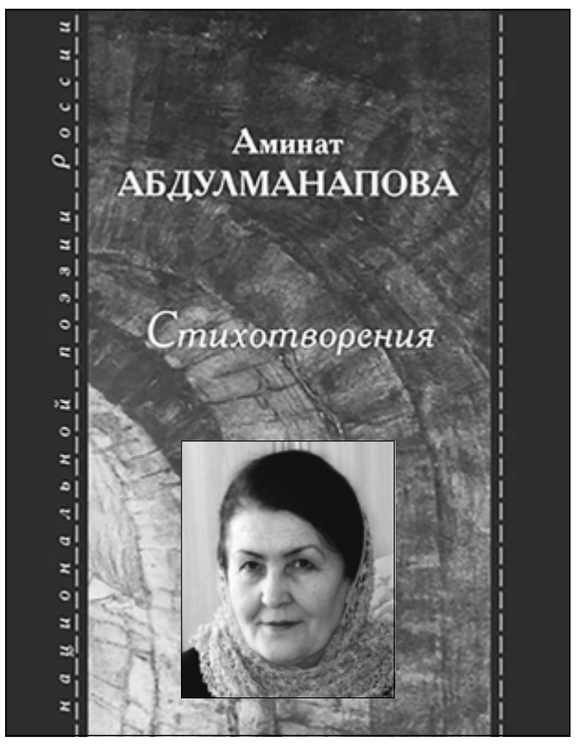
Геннадий ИВАНОВ

Двухтомник – начало поэтической библиотеки

О поэзии Аминат Абдулманаповой

Есть в литературной жизни события, на которые невозможно не откликнуться хотя бы небольшой заметкой.

В прошлом году в Дагестане Союз писателей России провёл секретариат, посвящённый переводам. Мы нередко говорим о плачевном состоянии переводческого дела в современной художественной литературе в нынешней нашей стране, вспоминаем советскую школу перевода… Так вот, на том секретариате было принято решение, не дожидаясь госпомощи – хотя в этом направлении тоже надо работать, – начать издание серии книг «Библиотека национальной поэзии России».



В Союзе писателей России вопросы национального направления курирует Валерий Латынин. Он и показал пример, составив двухтомник народного поэта Дагестана, даргинки Аминат Абдулманаповой. При этом сам перевёл первый том.

Двухтомник «Стихотворения» вышел в издательстве «Российский писатель». Им и открылась «Библиотека национальной поэзии России». Стихи представлены на даргинском и на русском языках.

Во втором томе собраны переводы Марины Ахмедовой-Колюбакиной, Юрия Щербакова, Фатхулы Джамаля, Надежды Тузовой и других переводчиков.

Первый том открывает слово Владимира Фирсова, написанное ещё в 2011 году. Слово о двух поэтах, воспитанниках его поэтического семинара – об Аминат Абдулманаповой и Валерии Латынине. Лауреат государственной премии, мэтр рассказывает, как зарождалось творческое содружество этих поэтов ещё в Литературном институте: «Семинар у меня был интернациональный, в нём сошлись посланцы России, Украины, Грузии, Азербайджана, Эстонии, автономных республик Северного Кавказа, Тувы. Я настоятельно рекомендовал русскоязычным поэтам переводить своих иноязычных собратьев и наоборот. Несколько раз устраивал практические семинары по переводу. И они дали хорошие результаты. Представители национальных литератур были опубликованы в Москве, стихи русских поэтов переведены на другие языки и напечатаны в периодике автономных и союзных республик».

Теперь эти ученики Фирсова стали известными поэтами. Аминат – народный поэт Дагестана. Как мне представляется, она – настоящий, подлинно *народный*… Её знает и любит даргинский народ, поёт песни на её стихи. Её знают во всём Дагестане и далеко за его пределами. И любитель поэзии любой национальности, прочитав её стихи в переводе, поймёт, что это стихи человека, посвятившего свою жизнь служению народу словом и делом.

У русских поэтов нет звания «народный». И мне думается, правильно, что нет. У нас другая традиция. Были попытки что-то в этом роде сделать, но они заканчивались профанацией. У нас всё вмещает слово Поэт. Признанный поэт в России он и народный…

Но это так, к слову. Валерий Латынин стал и известным поэтом, и известным подвижником. Такими же стали и его товарищи по этой книге, поэты и переводчики Марина Ахмедова-Колюбакина и Юрий Щербаков. Очень достойные у Аминат переводчики.

В даргинской поэзии есть свой Пушкин, это Батырай. Однажды я открыл для себя его стихи, и они стали для меня незабываемыми. Я вижу, что поэтика и любовь к своей родине у Аминат созвучна поэтике и любви даргинского классика. Да и она сама уже стала современным классиком. Это убедительно показывает вышедший двухтомник «Стихотворения».

Аминат – очень современный поэт. Через её сердце проходят боли нашего времени:

Не жалуюсь на тяготы судьбы,
Хотя она и давит то и дело.
От дум бессонных, споров и борьбы
Давно устала я и поседела.

Иная боль терзает сердце мне,
Что до сих пор нет мира на планете.
Пути не можем преградить войне,
Где гибнут люди, сиротеют дети.

Пускай война сегодня не у нас,
Она – у братьев наших и соседей.
Я не могу сомкнуть ночами глаз –
Война моё сознанье ловит в сети.
(«Не жалуюсь»,
перевод В.Латынина)

Скупают нашу землю богачи,
Кто посильней, у слабых отбирают.
Земля отцов униженно молчит,
А сыновья и дочери страдают…
(«Скупают нашу землю…»,
Перевод В.Латынина)

Им кажется, что жизнь – малина,
Что вечен будет этот пир.
Но как замедленная мина
Однажды их взорвётся мир!
И бумерангом возвратятся
К ним все поганые дела…
Ведь прегрешенья не простятся
Тем, кто немало сделал зла.
(«Безумный мир»,
перевод М.Ахмедовой-Колюбакиной)

Дай Бог, чтоб «Библиотека национальной поэзии России» зажила своей естественной жизнью. Конечно, надо искать деньги на издания. Надо искать таких подвижников, как Валерий Латынин, их всегда мало. Но поэзия жива. И сегодня в национальных республиках работают замечательные поэты. Будем продолжать бороться за понимание всего этого чиновниками Федерального агентства по печати…

Александр МЕДВЕДЕВ

Гегель нам друг?

О книге Евгения Лукина «Запад против Востока: 2500 лет первой битве»

Поводом к появлению книги петербургского писателя Евгения Лукина «Запад против Востока: 2500 лет первой битве» (издательство «Алетейя») послужило воспоминание о событии, произошедшем 28 сентября 480 года до Р.Х. при острове Саламине, когда небольшая греческая флотилия разгромила огромный персидский флот. Сообщество тридцати греческих городов-государств одержало победу над могущественной державой мира – Персией.

«Первый масштабный военный конфликт между Западом и Востоком, каким стала Саламинская битва, – пишет Е.В. Лукин, – имел судьбоносное значение для развития европейской цивилизации». Он подчёркивает, что «причина Саламинской победы таилась в едином патриотическом порыве эллинов, которых сумел сплотить блестящий афинский полководец Фемистокл».

Знаменательное событие отразилось не только в хрониках Геродота и Плутарха. Участник битвы драматург Эсхил посвятил ему трагедию «Персы». Греко-персидские войны он впервые трактовал результатом столкновения Востока и Запада и указал на истинные намерения персов: «наложить рабское ярмо на Элладу».

В дальнейшем по мотивам «Персов» итальянский либреттист Пьетро Метастазио (1698-1782) создал трагедию «Фемистокл», на основе которой была поставлена опера, имевшая колоссальный успех в театрах Европы. Метастазио высоко ценила Екатерина Великая и считала его творения достойными подражания, на что указывала придворным сочинителям. Её кабинет-секретарь Гавриил Державин уже после смерти императрицы на основе подстрочника написал одноимённую оперу в трёх действиях. Текст «Фемистокла» не публиковался ни при жизни поэта, ни после вплоть до того момента, когда к державинской рукописи, хранящейся в Пушкинском доме, обратился Е.В. Лукин. Благодаря его подвижническому труду по расшифровки автографа «Фемистокла» и включению в данную книгу, широкий читатель получил возможность ознакомиться с недоступным ему ранее поэтическим творением русского классика.

«Опера Державина «Фемистокл» представляет огромный исторический интерес как свидетельство творческих исканий замечательного стихотворца, – отмечает Е.В. Лукин и добавляет: – К тому же она соответствовала его искренним монархическим убеждениям. Образ всесильного персидского царя перекликался в его стихах с изображением богоподобной императрицы Екатерины Великой». Слова о богоподобии здесь не фигура речи, подчёркивающая известное могущество монархов, но напоминание о *милости*, качестве поистине божественном, если вспомнить, сколь редко мы наблюдаем его проявление у людей.

Указанные разновременные произведения о битве при Саламине, собранные Е.В. Лукиным, есть свидетельства героизма и любви к Отечеству в образе Фемистокла, а также благородства и великодушия в образе Ксеркса. Между тем картины прошлого и его выдающихся персонажей, то, что мы называем историей, предстают не калькой самого себя в нашем восприятии, но особым феноменом, сформированным, исходя из актуальных запросов общества. Проецируя историю на наше сознание, общество решает важные для него задачи воспитания, формирования моделей поведения и определённых ценностей. Поэтому, знакомство с включёнными в книгу сочинениями представляет для нас сегодня не только повод вспомнить о героизме, любви к отечеству, о благородстве и мужестве быть милостивым. Сегодня, вспоминая битву при Саламине, мы вынуждены считаться и со специфическим взглядом на суть произошедшего, формирование которого началось на основе оценки этого события выдающимся немецким философом Гегелем, 250 лет со дня рождения которого исполняется в этом году.

Вот оценка Гегеля: «Здесь лежали на весах интересы всемирной истории. Здесь боролись друг с другом восточный деспотизм, т.е. мир, объединенный под властью одного властителя, и, с другой стороны, разделенные государства, объем и средства которых были невелики, но которые были одушевляемы свободной индивидуальностью. Никогда в истории не проявлялось с таким блеском превосходство духовной силы над массой, и притом над такой массой, к которой нельзя относиться с пренебрежением. Эта война и затем развитие важнейших государств после этой войны составляют наиболее блестящий период греческой истории: все то, что содержалось в греческом принципе, тогда совершенно развернулось и проявилось».

Цитируя мыслителя, Е.В. Лукин поясняет: «Таким образом, Гегель объяснил причину необыкновенного военного успеха Эллады в неоспоримом превосходстве свободной индивидуальности, реализуемой в условиях независимости, над темной могучей массой, подавляемой деспотичным властителем». Он констатирует, что подобная трактовка Саламинской победы ныне стала доминирующей. О ней вспоминают, когда требуются аргументы о преимуществе демократии в сравнении с авторитаризмом. Их ничтоже сумняшеся находят в произведениях древних авторов, которые специфически истолковывают.

Демократия предлагает выбор. История, похоже, пока, кроме хождения по замкнутому кругу, ничего человечеству не предложила. *Божественная, героическая и человеческая* эпохи следуют друг за другом отдельно для каждого народа – следует из теории итальянского основоположника философии истории Джамбаттисты Вико (1668-1744). Все народы совершали одно и то же продвижение от примитивного существования до зрелости разумной гуманности. Однако сила творческой фантазии убывает, уступая место рефлексии и абстракции. Человеческая слабость не позволяет достичь совершенства и удержать его. Народ, приближающийся к совершенству, оказывается жертвой внутреннего нравственного распада, возвращается в прежнее варварство и начинает тот же жизненный путь.

В силу сказанного, не исключено, что вопрос «Запад против Востока или свобода против тирании?» встаёт перед человечеством не впервые. Не зря же, наверно, «Геродот сомневался в демократии как идеальной форме правления, – задаёт вопрос Е.В. Лукин. – Он говорил, что «многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного», приводя пример с милетским послом, которому удалось провести тридцать тысяч афинян, но не удалось обмануть одного лакедемонянина. Утверждение же Геродота, что «нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни», невольно отсылает нас к словам поэта Александра Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном».

«Всех людей учить трудно, а морочить легко – вторил Геродоту Дион Хризостом или «Златоуст», древнеримский оратор, писатель, философ и историк I века. – Знания люди усваивают через пень колоду, если вообще хоть малую толику из того немногого, что им известно, они знают благодаря учению; и в то же время их с величайшей лёгкостью обманывает множество невежд, и люди морочат не только друг друга, но ещё и самих себя. Конечно, для неразумных истина горька и тягостна, а ложь сладка и вкрадчива».

«Троянская речь» Диона имела целью заморочить жителей Трои (Илиона), городка близ Геллеспонта, где по преданию стояла гомеровская Троя. Речь опровергала Гомера – провозглашалось, что Илион взят не был. Это образец речи на парадоксальную тему – порицание Гомеру за «вымыслы» в повествовании о Троянской войне. Сегодня слова Геродота и Диона Хризостома о манипулировании массами поневоле вспоминаются, когда происходят неприкрытые попытки переписать историю Второй мировой войны, когда среди части японцев бытует убеждение, что атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили не американцы, а русские, когда словами о преимуществах свободы и демократии перед тиранией и тоталитаризмом оправдывается развязывание агрессии против суверенных государств и экспорт цветных революций.

Вспомнив формулировку создателя культурно-исторической психологии Льва Выготского – «фабула – это то, что было на самом деле, а сюжет – то, как узнал об этом читатель», мы так и станем рассматривать битву при Саламине в драматургических версиях, которые собрал в книге Е.В. Лукин. Не так ли следует взглянуть и на философский анализ этого события, сделанный Гегелем: победа демократии над тиранией?

В эпоху Фемистокла победу считали результатом самоотверженной любви к Отечеству, любви, которая питала героизм греков. Во времена Гегеля дело обстояло иначе. Французская революция и ранее Просвещение породили социальный заказ – популяризацию демократических форм правления и прав человека. Изменилось и понимание свободы. У греков – свобода в согласии с законом; современники Гегеля понимали её высшим достоянием индивида в романтическом ореоле. Философ выразил то, что бродило в умах просвещённого общества, тяготившегося узами абсолютизма.

Всякое художественное произведение, помимо информативности, символично, потому возможно бесконечное разнообразие его трактовок. Единой идеи поэтому быть не может.

Помимо календарного повода, книгу Е.В. Лукина можно рассматривать также и с точки зрения побудительной причины к развитию мышления, к некоему освобождению от определённых исторических причинно-следственных стереотипов. Поводом пересмотреть своё отношение к различным формам правления в данном случае служат *противоречия* – исторически и литературно закреплённые в нашем сознании. По Гегелю, противоречия не надо уничтожать, а «снимать», сохраняя, как отрицаемое, в высшем понятии. Противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем, более широком и богатом, в развитии которого они составляют только моменты.

История показывает, что полностью «снимать» противоречия и «чистых демократий» и «чистых абсолютизмов» по большому счёту до сих пор не удавалось. В то же время противоречия как раз и являются плодородной почвой для создания художественных произведений на основе исторических событий.